

*Посвящается Джеффу,
моему прекрасному несчастью*

Пролог

На лбу у нее выступил пот, и она прерывисто дышала, но все равно казалась мне красивой. Привычный персиковый румянец потускнел, глаза не горели, как раньше, и все-таки она была прекрасна. Такой прекрасной женщины я никогда больше не встречал.

Ее рука свесилась с кровати, пальцы пошевелились. Мой взгляд упал на пожелтевшие ломкие ногти, потом поднялся до исхудавшего плеча и наконец остановился на глазах. Слегка приподняв веки, она дала понять, что видит меня. Я очень любил эту ее черту: глядя на мое лицо, она всегда видела именно меня, а не десятки вещей, которые ей предстояло переделать за день. И она не делала вид, будто слушает мои глупые истории. Она их действительно слушала, и ей было по-настоящему интересно. Другие просто кивали, думая о своем, но только не она. Ее внимание всегда было искренним.

— Трэвис, — ее голос дребезжал. Она прокашлялась и приподняла уголки рта, — подойди, малыш. Не бойся, подойди.

Папа дотронулся пальцами до моей шеи и подтолкнул меня вперед, не переставая слушать, что говорила ему сиделка. Он называл ее Беки. Первый раз она пришла к нам несколько дней назад. У нее был ласковый голос и внимательные, пожалуй, даже милые глаза, и все-таки она мне не нравилась. Я не мог объяснить почему, но ее присутствие меня пугало. Я знал, что она, наверное, помогает нам. Тем не менее появление этой женщины

в нашем доме не было радостным событием, хотя папа с ней вроде бы вполне ладил.

Почувствовав папино прикосновение, я сделал несколько шажков вперед. Теперь мама могла до меня дотронуться. Она потянулась ко мне и погладила мою руку длинными изящными пальцами.

— Не бойся, Трэвис, — прошептала она. — Мама хочет тебе кое-что сказать.

Я сунул палец в рот и, теребя им десны, нетерпеливо закивал. Заметив, что мамина слабая улыбка стала чуточку шире, я решил почаще махать головой и сделал еще один шаг. Мама собрала оставшиеся силы и, приблизив ко мне свое лицо, набрала в легкие воздух:

— То, о чем я тебя попрошу, будет очень непросто сделать, сынок. Но я знаю, ты справишься, ведь ты у меня уже большой.

Я опять кивнул и улыбнулся в ответ на ее улыбку. Мне совсем не было весело, и я даже чувствовал, что ни к чему улыбаться, когда мама выглядит такой уставшей и так плохо себя чувствует. Но она радовалась моему храброму виду, и я старался держаться молодцом.

— Трэвис, я очень хочу, чтобы ты меня выслушал и постарался запомнить мои слова. Это будет непросто. Я пыталась вспомнить все, что было со мной, начиная с трех лет, и я... — Она осеклась: боль стала слишком сильной.

— Совсем тяжело, да, Диана? — спросила Беки, втыкая иглоку в мамину вену.

Через некоторое время боль приутихла. Мама еще раз вздохнула и опять заговорила:

— Сделаешь это для меня? Запомнишь то, что я тебе скажу? — Я снова кивнул. Она дотронулась до моего лица. Кожа была холодная, пальцы дрожали. Мама смогла продержать руку на весу всего несколько секунд и уронила ее на постель. — Во-первых, не нужно стыдиться, если тебе грустно. Чувства — это нормально. Запомни. Во-вторых, постарайся как можно дольше быть ребенком, Трэвис. Веселись, играй, делай глупости. — В маминых гла-

зах блеснул огонек. — Ты, твои братья и папа должны заботиться друг о друге. Даже когда ты вырастешь и уедешь, не забывай иногда возвращаться домой. Это важно. Понимаешь? — Я в очередной раз энергично махнул головой вверх-вниз, стараясь порадовать маму. — Когда-нибудь ты влюбишься. Не соглашайся на малое. Выбери девушку, которую нужно будет завоевать, и борись за нее. Не переставая. Никогда, — мама сделала глубокий вдох, — не переставай бороться за то, чего ты хочешь добиться. И никогда, — она сдвинула брови, — не забывай, что мама тебя любит. Даже если ты меня не видишь. — По ее щеке покатились слеза. — Я всегда, всегда буду тебя любить.

Она судорожно вздохнула и закашлялась.

— Достаточно, — сказала Беки, засовывая какую-то смешную штучковину себе в уши и прикладывая ее другим концом к маминной груди. — Пора передохнуть.

— Времени нет, — прошептала мама.

Беки посмотрела на папу:

— Уже совсем скоро, мистер Мэддокс. Наверное, надо позвать остальных мальчиков, чтобы попрощаться.

Папины губы сжались в тугую нитку. Он покачал головой и с усилием выдохнул:

— Я не готов.

— Вы никогда не будете готовы к тому, чтобы потерять жену, Джим. Но вы ведь не хотите, чтобы она ушла, не попрощавшись с мальчиками.

С минуту папа не отвечал. Потом он вытер нос рукавом, кивнул и, тяжело топая, как будто на кого-то рассердился, вышел из комнаты.

Я смотрел на маму. Смотрел, как она пытается дышать и как Беки проверяет непонятные цифры на коробочке, которая лежит рядом с ней. Я дотронулся до маминого запястья. Казалось, глаза сиделки знают что-то, чего не знаю я, и от этого мне было не по себе.

— Понимаешь, Трэвис, — сказала Беки, наклоняясь и заглядывая мне в глаза, — я дала маме лекарство, от которого она

уснет. Но во сне она будет тебя слышать. Поэтому ты можешь сказать ей, что любишь ее, что тебе будет ее не хватать. Она все услышит.

Я посмотрел на маму и быстро мотнул головой:

— Не хочу, чтобы мне ее не хватало.

Беки положила на мое плечо теплую, мягкую ладонь, как всегда делала мама, когда я из-за чего-нибудь расстраивался.

— Она тоже хочет быть здесь, с тобой. Очень хочет. Но Иисус зовет ее к себе.

Я нахмурился:

— Мне она нужнее, чем Иисусу.

Беки улыбнулась и поцеловала меня в макушку.

Папа постучал и открыл дверь. Мои братья стояли по обе стороны от него на пороге. Беки взяла меня за руку и отвела к ним.

Трентон не отрывал глаз от маминой кровати, а Тэйлор и Тайлер, наоборот, смотрели куда угодно, только не туда. Мне немного полегчало от того, что все они выглядели такими же напуганными, каким я себя чувствовал.

Томас встал рядом со мной, выступив немного вперед: он всегда так становился, защищая меня, когда мы играли во дворе перед домом и соседские мальчишки пытались затеять драку с Тайлером.

— Она плохо выглядит, — сказал Томас.

Папа кашлянул.

— Мама уже давно тяжело болеет, и она... скоро она... — Его голос оборвался.

Беки, сочувственно улыбнувшись, пришла ему на помощь:

— Мама ничего не ест и не пьет. Жизнь покидает ее тело. Это очень тяжело, но пора сказать маме, что вы любите ее, будете по ней скучать и что она может уйти спокойно. Ей важно это знать.

Мои братья синхронно кивнули. Не кивнул только я. Я не считал, что она может спокойно уйти, и мне было все равно, нужна она Иисусу или нет. Это была моя мама. Он мог забрать какую-

нибудь другую маму, старую, у которой нет маленьких мальчиков, которой не надо ни о ком заботиться. Я старался запомнить все, что она мне сказала, изнутри приклеить ее слова к своей голове. Играть. Навещать папу. Бороться за тех, кого люблю. Это, последнее, особенно беспокоило меня: я любил маму, но не знал, как за нее бороться.

Беки наклонилась к папиному уху. Он покачал головой и кивнул моим братьям:

— Ладно, ребята. Давайте попрощаемся с мамой. Потом ты, Томас, уложишь их всех спать. Им ни к чему видеть остальное.

— Да, сэр, — сказал Томас и попытался сделать храброе лицо, но глаза у него были такие же грустные, как у меня.

Он что-то сказал маме, потом подошли Тэйлор с Тайлером и с двух сторон зашептали ей в уши. Трентон долго плакал и обнимал ее. Все они говорили, что она может спокойно уходить. Кроме меня. А мама больше ничего не говорила.

Томас потянул меня за руку, чтобы вывести из маминой спальни. Я шел задом наперед, пока мы не оказались в коридоре. Я попытался представить себе, что мама просто уснула, но от этого только голова закружилась. Брат подхватил меня и понес вверх по лестнице в ванную. Он ускорил шаг, когда сквозь стены слышался папин плач.

— Что она сказала тебе? — спросил Томас, открывая кран.

Я не ответил. Я слышал вопрос и помнил каждое мамино слово, как она велела, но не мог ни плакать, ни говорить.

Томас через голову стащил с меня забрызганную грязью рубашку, стянул и бросил на пол мои шорты, а потом трусы и майку с паровозиком.

— Давай-ка в ванну, малыш. — Он поднял меня, посадил в теплую воду, намочил губку и провел ею по моей голове. Я не мигнул и даже не попытался увернуться от струек, которые текли мне на лицо, хотя вообще-то терпеть не мог купаться. — Вчера мама сказала, чтобы я заботился о тебе, о близнецах и о папе. — Томас сложил руки на краю ванны и, опершись о них подбородком, посмотрел на меня. — Я так и буду делать, ладно, Трэв?

Буду о тебе заботиться. Так что не беспокойся. Мы все будем очень скучать по маме, но ты не бойся: с тобой все будет в порядке. Обещаю.

Я хотел кивнуть и обнять его, но ничего этого у меня не получилось. Вместо того чтобы бороться за нее, я был наверху и торчал в ванне, как истукан. Я уже разочаровывал ее. Собрав в узелок путающиеся мысли, я пообещал ей, что сделаю все, о чем она мне говорила, как только мое тело снова заработает. Как только грусть пройдет, я начну не переставая играть и не переставая бороться. Это и правда будет очень тяжело.

Глава I

ГОЛУБКА

Долбанные стервятники. Они могут часами выжидать, когда ты им достанешься. Сидят над тобой целыми днями. И ночами. Пялятся на тебя, выбирая, какой кусок твоего тела будет удобнее ухватить, где мясо самое вкусное, самое нежное.

Только одного они не знают: жертва может притворяться. Этот трюк всегда застает их врасплох. Они ждут себе, ни о чем не подозревая. Думают, ты вот вот-вот подохнешь, нужно только проявить терпение. И тут ты наносишь удар своим секретным оружием: отказываешься уважать статус-кво, отказываешься подчиняться существующему порядку. То, что тебе наплевать на этих хищников, просто парализует их.

Противники на ринге, всякие вонючие козлы, осыпающие тебя оскорблениями в надежде, что ты дашь слабину, женщины, норовящие связать тебя по рукам и ногам, — ничем таким меня было не удивить.

Я с юности вел себя очень осторожно, старался не попадаться в когти всем этим сволочам. Я знал много идиотов, которые распускали нюни и отдавали себя с потрохами, стоило какой-нибудь алчной девице притворно улыбнуться или поплакаться им в жилетку. Пожалуй, я один плыл против течения. Я был не таким, как эти доверчивые бедняги, которым, думаю, приходилось очень нелегко. По мне куда проще было подавить свои эмоции, замаскировать их молчанием или злобой — ведь ее я худо-бедно научился контролировать, в отличие от тех, других чувств,

которые делают человека таким уязвимым. Я много раз объяснял это своим родственникам и друзьям, но они выслушивали меня с явным неодобрением. Я много раз видел, как кто-нибудь из них мучается и теряет сон из-за тупой сучки в сексапильном прикиде на «трахни-меня»-каблуках, хотя ей на всех, кроме себя, насрать, и всегда удивлялся, почему со мной упорно не хотят соглашаться. Женщина, которая стоит таких страданий, не станет кидаться тебе на шею. Не позволит затащить себя в постель в первый же вечер. И даже на десятый вечер не позволит.

Моих теорий никто не признавал, потому что они противоречили существующему положению вещей. Ты встречаешь привлекательную девушку, занимаешься с ней сексом, влюбляешься в нее до потери сознания, а потом все рушится, и ты страдаешь — таков был общепринятый порядок, которому все подчинялись.

Но только не я. Ни в коем случае. Плевал я на него.

Я давно решил, что буду кормиться за счет стервятников, пока не прилетит голубка. Существо, которое не идет по чужим головам и, устраивая свою жизнь, не приносит никого в жертву собственным привычкам и интересам. Женщина смелая. Открытая. Умная. Красивая. Мягкая. С которой можно было бы связать жизнь навсегда. Которая останется неприступной до тех пор, пока у нее не появятся основания тебе доверять.

Я стоял у открытой двери своей квартиры, стряхивая пепел с почти докуренной сигареты. Перед глазами у меня то и дело возникала та девушка в забрызганном кровью розовом кардигане, которая выскочила на арену во время боя. Ни секунды не раздумывая, я назвал ее голубкой. Ни секунды не раздумывая, я признал в ней ту самую голубку. От такого странного обращения она совсем растерялась. Алые капельки на лице, широко раскрытые глаза... Казалось, она сама невинность, но я знал, что это только маска. Стараясь отогнать от себя мысли о ней, я тупо посмотрел в сторону гостиной.

Меган лениво разлеглась на диване и смотрела телевизор. Судя по виду, она скучала, и я удивился, что она до сих пор здесь. Обычно она собиралась и сваливала, как только мы потрахаемся.

Я открыл дверь пошире, петли жалобно скрипнули. Я кашлянул и подобрал с полу рюкзак:

— Меган, я ухожу.

Она села, потянулась и взялась за серебристую цепочку своей огромной сумки: у нее небось и барахла-то столько не было, чтобы набить ее до конца. Повесив сумку на плечо, она сунула ноги в босоножки на высоком каблуке и вальяжно направилась к двери.

— Пришли эсэмэску, если заскучаешь, — сказала она, даже не взглянув на меня, потом надела солнечные очки с непропорционально большими стеклами и спустилась по ступенькам, несколько не смущенная тем, что я ее выпроводил. Эта девица всегда была такой невозмутимой, потому-то и стала одной из моих немногочисленных постоянных подружек. Она не изображала преданность, не устраивала сцен. Воспринимала наши взаимоотношения как есть и, разделавшись со мной, шла дальше по своим делам.

Мой «Харлей» поблескивал на утреннем осеннем солнце. Я подождал, пока Меган отъедет от дома, и сбежал вниз по лестнице, на ходу застегивая куртку. Лекция доктора Рузера началась через полчаса, но ему было плевать, опоздаю я или нет. А раз он не злился из-за опозданий, то и не стоило нестись во весь опор, рискуя убиться.

— погоди! — послышалось у меня за спиной. На пороге нашей квартиры стоял Шепли. Он был без рубашки и, подпрыгивая на одной ноге, напяливал на другую носок. — Забыл спросить тебя вчера: что ты сказал Мареку? Там, на ринге, ты ему что-то шепнул, и он от этого как будто язык проглотил...

— Я шепнул ему, что его мамаша — бешеная кошка, и поблагодарил за то, что несколько недель назад он убрался из города.

Шепли посмотрел на меня с сомнением:

— Да ладно! Брось!

— Ну хорошо. Я слышал от Кэми, что в округе Джоунс Марек вяпался по статье «Употребление алкоголя несовершеннолетними».